

Интервью с Михаилом Серафимовичем Мейером

Interview with Mikhail S. Meyer

Проект «Российское востоковедение – устная история»

“Russian Orientalology – Oral History” Project

<p>Мейер Михаил Серафимович (ММ), турколог, д.и.н., профессор, президент ИСАА МГУ</p> <p>Дата записи: 24 февраля 2021 г. Место: Москва Вели интервью: Головачёв В.Ц. (ВГ, ИВ РАН), Карнеев А.Н. (АК, НИУ ВШЭ), Шлыков П.В. (ПШ, ИСАА МГУ) Редактирование и примечания: Головачёв В.Ц., Карнеев А.Н., А.Д. Васильев (ИВ РАН), Шлыков П.В. Продолжительность: 4 часа</p>	<p>Mikhail S. Meyer Turkologist, Full Doctor (History), Honored professor (Moscow State University), President of the Institute of Asian and African States, MSU) Date: March 24, 2021 Place: Moscow Hosted by: Valentin Ts. Golovachev, Andrey N. Karneev, Pavel V. Shlykov</p> <p>Editing and comments: Golovachev Valentin Ts., Karneev Andrey N., Alexander D. Vasiliev, Pavel V. Shlykov Duration: 4 hours</p>
---	--

Мейер Михаил Серафимович. (30.08.1936–19.04.2022). Востоковед, турколог. Д.и.н. (1990), профессор (1991), Заслуженный профессор МГУ им. М.В. Ломоносова. Окончил Институт восточных языков при МГУ (ИВЯ МГУ, 1960). Защитил в МГУ кандидатскую диссертацию (1965) и докторскую диссертацию (1990) по истории Османской империи в XVIII в. Работал в Институте стран Азии и Африки МГУ (ИСАА, с 1963). Заведующий кафедрой Истории стран Ближнего и Среднего Востока ИСАА (1991–1994), директор (1994–2012) и президент ИСАА МГУ (с 2012). Президент Российского общества востоковедов (2008–2010). Кавалер ордена Дружбы (2005) и Ордена Восходящего солнца (Япония, 2010). Награждён нагрудным знаком «Почетный работник высшего профессионального образования России» (1998); юбилейной медалью «200 лет МИД России» и Почётной грамотой Министерства (2004). При

активном участии М.С. Мейера в ИСАА созданы кафедра Истории и культуры Японии, кафедра иудаики, кафедра Центральной Азии и Кавказа, ряд учебно-научных центров стран Востока и Запада: Центр индийских исследований (совместно с университетом Хайдарабада, Индия), Институт социологии Академии Синика (Тайвань), Международный совет по малайскому языку (Куала-Лумпур), а также налажены устойчивые научные связи ИСАА с зарубежными университетами Японии, КНР, Тайваня, Вьетнама, Республики Корея, ФРГ, США, Канады, Израиля и др. Профессор М.С. Мейер – член Международного комитета доосманских и османских исследований, Североамериканской ассоциации Ближневосточных исследований, Совета международного конгресса Азиатских и Северо-африканских исследований. Научные труды профессора М.С. Мейера включают свыше 150 научных и учебно-методических работ по социально-политической, экономической, культурной истории Османской империи, Турции и других стран Ближнего и Среднего Востока, в том числе монографии и учебники с грифом Министерства образования и науки РФ.

АК: Михаил Серафимович, во-первых, огромное спасибо, что согласились выделить время для интервью! Первый вопрос: вы ведь коренной москвич, родились в 1936 году в Москве, правильно?

ММ: Да.

АК: Вы всю жизнь прожили в Москве. Какой район для вас как малая Родина? Я слышал, что вы очень любите район Красной Пресни!

ММ: Да, это исторический район Красная Пресня. Моя школа, все мои друзья со школьных и университетских лет, – это всё было так или иначе связано с Пресней!

АК: В какой средней школе вы учились? Обычной или какой-то специализированной?

ММ: Это была обычная мужская школа. В двух шагах от нас была женская, но туда нас не пускали, и девочек редко пускали на наши вечера. А на свои вечера девочки вообще не могли мальчиков приглашать!

ВГ: Скажите, пожалуйста, как звали ваших родителей?

ММ: Мама была родом из Латвии и, соответственно, у неё латышское имя и фамилия, а отец был из Москвы. Помню, что он ещё работал на заводе автомобилей ЗИЛ. Но дело в том, что мы с ним не жили. Отец приходил к нам довольно редко, всегда выпивши, и заставлял меня ещё бегать за папиросами, а у меня мама иногда курила, и я был противником этого! Соответственно, я с какой-то ненавистью выполнял эти указания «пойти туда и купить то» – это было для меня очень неприятно! А так к отцу я относился спокойно. Но это спокойствие шло оттого, что я его редко видел, у него была другая семья ещё.

ВГ: Как имя и отчество вашего отца, и как звали вашу маму, её полное имя?

ММ: Да, он Серафим Михайлович, я – Михаил Серафимович, а маму звали на латышский лад, сейчас я, конечно, уже эти имена запомнил¹.

ВГ: Ваша мама была латышкой?

ММ: Да. Она оказалась тут во время Первой мировой войны. Их родные места были как раз в зоне боевых действий, где наступали германцы. Пришлось всей семьей уехать, кроме одной младшей сестры. Она осталась дом сторожить, а все остальные мои родственники пошли в Ригу, оттуда отправились на поездах в Сибирь. Там, в одном из городков, где они жили, была неожиданная ситуация, потому что кроме них в этот город прибыли венгерские революционные войска. Стало быть, революция пошла широким фронтом. Латыши набрались от венгров всех революционных штук и представлений о том, за кого голосовать, как и что говорить. После этого, когда война уже закончилась, их отпустили, но

¹ По указанию Руфины Рудольфовны Вяткиной, вдовы Михаила Серафимовича, его мама – Меерис Минна Яновна (1903 г.р.), до начала Первой мировой войны жила на хуторе в Латвии, в семье крестьян низкого достатка. Её отец участвовал в рев. 1905 г., погиб. В 1914 г. семья уехала подальше от войны в Петроград, где Минна Яновна была официально зарегистрирована как Нина Ивановна Мейер. Спасаясь от голода в послереволюционные годы, семья переехала на Алтай. М.Я. Меерис занималась партработой в Бийске, позднее окончила техникум для ткачей в Орехово-Зуево и работала на текстильной фабрике Трехгорной мануфактуры в Москве. Отец М.С. Мейера – Ерофеев Серафим Михайлович.

мама поехала уже не домой. Дома никого не осталось. Вернее, осталась лишь одна женщина, младшая из семерых дочерей. А все те, кто оказались в Сибири, они все не выдержали. Может быть, жрать нечего было. Так или иначе, практически все дочери умерли. Остались моя мать и ещё одна сестра, которая потом перебралась в Москву и работала в «Трёхгорке». А третья сестра к концу мирного времени, то есть перед самой войной, заведовала каким-то заводом прямо на юге нашей страны и участвовала потом в эвакуации этого завода. Но поскольку латыши отличались упорством и настойчивостью, она там боролась за то, чтобы у всех всё хорошо было в вагонах. Ну и кончилось всё тем, что она сама померла. Вот из всей этой большой семьи, семерых девиц, одна моя мама осталась! Мы её звали Нина Ивановна, но не потому, что она на самом деле Нина Ивановна, а потому что такое русское имя ей прижилось, пока они жили в Сибири.

АК: Почему вы захотели поступать именно в МГУ? И поскольку вы посвятили всю жизнь Московскому университету, можно ли сказать, что для вас это второй дом?

ММ: Конечно! Надо сказать, что наша школа была одной из лучших и всё время боролась за место первой школы в центре Москвы. Наш директор, хороший человек, пострадал на войне и остался инвалидом. Он всё мечтал, что мы будем первые, потому что народ собрался очень хороший. И то, что мы собираемся до сих пор, как раз есть показатель того, что люди собрались нестандартные.

АК: То есть вы собираетесь не только со студенческими, но и со своими школьными друзьями?

ММ: Мы даже сейчас каждый год, в определённый день декабря, все кто живы, отправляемся на кладбище, чтобы положить цветы директору. У каждого на этом кладбище есть свои родственники, мы их всех по очереди обходим, но уже без цветов. Но в первую очередь идем к директору, Аркадию Марковичу! Вроде бы не совсем русское звучание имени, но он был очень хорошим человеком, действительно заботился о школе и считал, что она состоит из хороших учеников, которые должны выбиться в люди. Поскольку это была Пресня, я, сев на трамвай, быстро доезжал в центр до университета. Я в него не ходил в то время, а ходил в юношеское отделение Ленинской библиотеки, где очень любил сидеть и читать. Поэтому мой приход в университет был нормальным. Я считал, что лучше варианта пока нет, поэтому сразу приспособился к университету. Ехать было легко, жить было трудно, но ничего!

АК: Трудно ли было поступить в МГУ? Это же всё-таки первый университет!

ММ: Абсолютно нет! Никакого ощущения, что с меня спрашивают что-то особенное про Восток, не было. Видимо, понимали, что я мальчик, который учился в 101-й школе и не занимался никак Востоком. Соответственно, что с меня взять? Задавали простые вопросы. Я на них легко отвечал и поразил приёмную комиссию словами о том, что хочу заниматься Египтом, потому что в Египте тогда началась национальная освободительная борьба, был *Гамаль Абдер*

*Насер*². Мы, трое поступивших, сказали, что идём в турецкую группу, чтобы потом оказаться на Востоке и помочь арабскому народу и Насеру в решении его проблем. На самом деле, при всей странности решения нашей троицы, оно было в чём-то объяснимо. Один из нас троих был испанцем, он приехал в Советский Союз с семьёй. Однажды я, заходя на какое-то кладбище, наткнулся на могилу отца этого испанца. Тот мальчик жив до сих пор, является ценным профессором. Все, кто связаны с Востоком, были приняты в семье этого испанца. Вот такая замечательная жизнь у нас шла!

ВГ: Вы уже несколько раз упомянули кладбище. О каком кладбище идёт речь?

ММ: Ваганьковское кладбище.

ВГ: В каком году вы поступили в университет и что изучали после поступления?

ММ: Дело в том, что востоковедения ещё не было, но в принципе мы быстро заявили, что хотим заниматься арабами. Нам сказали, что это возможно, но можно заниматься и турецким языком. Кто-то из нас, особенно испанец, выбрал изучение арабского. Хотя что его учить, раз он и так знает его почти! А двое других выбрали почему-то Турцию. Не потому, что «против Насера», а из-за того, что преподавали полегче. Арабский нам показался сложным, тем более что парень с испанским языком говорил хорошо, было непонятно, когда мы его догоним. Соответственно, поэтому мы выбирали турецкий. Нас было три мужчины, трое «ближневосточников». Девушек в этот год не принимали.

ВГ: Как велась в ту пору подготовка дальневосточников?

ММ: Всё было сосредоточено на изучении языка: двое из нас учили арабский, испанец и парень из Сибири, из Кургана. Он сказал прямо, что хочет стать лидером коммунистов, который будет освобождать Египет. И мы все сказали, что как тюркологи поддержим его. Но поддерживать было некому – был лишь я один, который этим и занимался. А двое других были специалистами по арабскому языку. Сама по себе ситуация была поначалу непонятная – буду я тюркологом или арабистом. Проблема заключалась в том, что не было тогда никаких учебных пособий! Нужно было не только набрать трёх человек для востоковедной группы, но ещё и думать о том, чтобы давать им учебники! Всё шло по принципу «сегодня в газете, завтра в стихах». Газеты были основным инструментом, чтобы что-то выучить. С арабским вообще не шло, а с турецким вроде бы получалось, но проблема заключалась в том, что я был один! Мне было неудобно, потому что я не сразу поверил в преподавателя, который мне вёл занятия. Я учил турецкий, а другие в это время учили арабский. Я тоже ходил на арабский, но больше мне полагалось турецкого. Я был озабочен тем, что «ситуация с Турцией» была сложная, в том в смысле что наши занятия вела секретарша академика *Гордлевского*³. Язык был нетрудным, но никакого

² *Насер Гамаль Абдель* (1918–1970). Египетский революционер, военный, политический и государственный деятель, глава Объединенной арабской республики (1958–1961), второй президент Египта (1956–1970).

³ *Гордлевский Владимир Александрович* (1876–1956). Тюрколог, востоковед, проф., академик АН СССР (1946). Специалист по истории, культуре и литературе Турции. Зав. Восточным

учебника не было, всё писали на доске, поэтому было неинтересно. Арабисты читали газеты, какие-то книжки, а я всё списывал с доски. Но Гордлевский придумал выход из положения. Он пришёл посмотреть, чем занимаются тюркологи. Меня выдвинули на первое место, потому что я больше учил турецкий, а не арабский. Я был «изгоем» у арабистов, зато наглости у меня хватило, поэтому я сказал академику, что мы находимся в трудных условиях, что у нас нет никаких учебников, а те, что есть, уже давно изношены. Сказал, что в институте нет учебников для начинающих тюркологов.

АК: Когда вы поступали, ещё не было ИВЯ⁴?

ММ: Это был первый год, когда всё только начиналось.

АК: Тогда это ещё истфак был?

ММ: Да.

АК: И он находился на Моховой, на проспекте Маркса?

ММ: Да, всё там же.

АК: А потом уже, когда вы были на 2-м или 3-м курсе, вас перевели в ИВЯ?

ММ: Не перевели, а так получилось, что на втором году в университет набрали много девушек и решили, что пора создать ИВЯ. Но я не закончил по поводу Гордлевского. Через два дня мне прислали подарок от него – турецко-русский словарь. Это было для меня спасением! Я почувствовал, что если выучу этот словарь, то, наверное, буду ох какой [специалист]! У меня была слава человека, который ничего не боится сказать прямо в глаза академику: что о нас никто не беспокоится и нет учебных пособий. Соответственно, академик сам не мог этим заниматься, но всё-таки подарил словарь! И я долгое время ходил в качестве соратника этой троицы.

ВГ: Вы сказали, что вас вдохновил образ революционного Египта и Гамаль Абдель Насера. А каким у вас был первоначальный образ Турции? Не собирались ли вы стать лидером уже не египетской, а турецкой революции?

ММ: Должно сказать – то, что я видел, ничего хорошего не сулило. Практически никакой «картинки» не было. Не могу сказать, хорошо это или плохо, но, так или иначе, если читать газеты или слушать радио, то потом всё это находило какое-то решение. Кроме того, я по-прежнему ходил в юношескую Ленинку и там сам брал книги о Турции и её истории. В Турции сложилась ситуация, вызывавшая у меня не очень большое уважение. Потеряли они замечательное революционное время начала 1920-х годов, превратились в обычную капиталистическую державу, поэтому заниматься этим периодом у меня не было особого порыва и, наверное, по этой причине, я больше времени уделял арабскому языку. Потом это хорошо помогло мне читать старые тюркские книги

отделом Гос. биб-ки им. В.И. Ленина (1919–1933), Преподаватель востфака Военной академии РККА им. М.В. Фрунзе (1921–1931), старший научный сотрудник, зав. сектором языка и литературы стран Ближнего и Среднего Востока ИВ АН СССР (1938–1956).

⁴ *Институт восточных языков (ИВЯ)*. Создан 24 апреля 1956 г. в качестве специального факультета МГУ им. М.В. Ломоносова для изучения восточных языков. С 1972 г. переименован в Институт стран Азии и Африки при МГУ им. М.В. Ломоносова (ИСАА МГУ).

и брошюры. Было довольно легко понимать, о чём идет речь. Может, не всегда правильно, но это никого не смущало, в том числе и меня.

АК: Среди студентов, с которыми вы учились с первого по четвёртый курсы, кто-то продолжил карьеру как востоковед или историк?

ММ: Один из них был близок к моим исканиям, но он был искусствоведом и по окончании школы поступил в соответствующее учебное заведение. Мы с ним пересекались по месту жительства и дружбе. Он был замечательным человеком и большим руководителем такого направления как средневековое искусство и архитектура, поэтому иногда мы находили общие точки зрения. Ведь какие-то памятники архитектуры и искусства находились как раз на территории Турции и арабских стран. Иногда мы приносили ему картинки и зарисовки. Вот из него получился выдающийся учёный, и я очень гордился, что знал его и был принят в его семье. И сейчас до сих пор в их семье я, как старший человек того времени.

ВГ: Можно ли назвать имя и фамилию вашего друга?

ММ: *Алексей Комеч*⁵. Он возглавлял целый институт в центре Москвы.

ВГ: Вы уже рассказали про Гордлевского. Кто ещё преподавал вам в МГУ?

ММ: Никто. Дело в том, что нас было всего трое, странная группа! Я думал, что сделают большую группу, оглядывался – не начиналось ли прибавление к нам. Но только на следующий год пришло огромное количество девушек, в том числе в турецкую группу. Потом появились те, кто занимался Китаем. Получалось, что наша группа выросла до 10 человек, трое нас и семеро девиц на выбор. Так получилось, что мы с ними хорошо подружились, но никаких «амурных» проблем не возникло! Видимо, турецкий или арабский язык были очень трудными. Собралось много непростых людей. Сына испанца я хорошо знал, как человека. Знал и понял, когда он сказал, что хочет вернуться обратно на родину. Но тогда нас оставалось бы только двое. Те девушки, которые появились на 2-м курсе, нас не спасали. Мы казались себе уже «маэстро», прошедшими огонь и воду «мастерами», а они только начинали, поэтому никакого интереса педагогического не было. Хотел бы рассказать про *Толю Агарышева*⁶, который приехал из Сибири, и который сказал, что хочет быть только арабистом, помощником Насера в борьбе. Они так вместе с испанцем и ходили, как ближайшие друзья. Благодаря этому Агарышев хорошо выучил арабский. Он на первом же курсе сказал нам, что будет первым секретарем ЦК КПСС. Кончилось тем, что в последний год своей жизни он стал генеральным секретарём!

⁵ *Комеч Алексей Ильич* (1936–2007). Искусствовед, д.иск., архит. критик, преподаватель, фотограф, автор более 80 научных трудов по истории византийской и древнерусской архитектуры X–XV столетий, истории и теории реставрации памятников архитектуры, директор Госуд. ин-та искусствоведения. Засл. деятель искусств РФ (1999).

⁶ *Агарышев Анатолий Аркадьевич* (1937–1988). Историк и публицист, к.ф.н. Окончил ИВЯ (1960). Сотрудник отдела стран Азии и Африки газеты «Правда» (1963–1966). Зам. редактора иностр. отдела «Комсомольской правды» (1966–1969). Собкор «КП» в Каире (1969–1975). преподаватель Академии общественных наук. Член Союза писателей СССР (1984).

АК: –У меня на курсе был Алексей Агарышев, это его родственник? Вроде он арабист. Наверное, сын.

ММ: Толя Агарышев не производил впечатление человека, обладавшего большими интеллектуальными способностями. С другой стороны, я к нему «прикипел». Не каждый же сразу становится выдающимся учёным – какой есть! Правда, когда он рассказал мне, что хочет стать первым секретарем ЦК КПСС, я потерял к нему всякий интерес, поскольку не верил в то, что он станет. Но он стал на короткое время и на радостях помер.

АК: Кто читал вам лекции по истории Востока?

ММ: Читал нам сначала *Николай Александрович Смирнов*⁷. Начиная с 3-го курса, он стал моим научным руководителем и довольно долго, в течение 10 лет моей учёбы, он меня вёл. У нас были хорошие дружеские отношения на старости его лет и моих средних лет. Должен сказать, что при этом у меня складывалось впечатление, что я немного выше его, с точки зрения понимания турецкой истории. Так ли это или нет – не знаю, но у молодёжи бывают такие «закидоны», от этого никуда не денешься, тем более я гордился тем, что ещё и арабский учил! Как учил – это уже другое дело. Конечно, не столько времени ему выделял, сколько турецкому языку. Соответственно, классического арабиста из меня не вышло. Так или иначе, что-то в этом деле я понимал и, соответственно, Николаю Александровичу было достаточно тех примечаний, которые я давал на книги, приготовленные для курсовых работ. Уже потом в аспирантуре появился *Анатолий Филиппович Миллер*⁸. Конечно, я забросил Смирнова и переключился на Миллера, потому что уровень понимания проблем был гораздо выше.

АК: Когда вы решили, что нужно заниматься османистикой? Уже в студенческое время, или это позже пришло? Как формировался ваш научный интерес?

ММ: Начиная с Николая Александровича, мне сразу начали читать историю Турции, со второго курса. И тут не было разговоров о том, чтобы я чем-то другим занимался. Но это было мне по душе! Может, я не всегда был доволен тем, что он рассказывает, но это было не так существенно. Важно было найти некий ещё не охваченный «поворот» в истории Турции, чтобы можно было написать хорошую работу и получить степень. Так я у Николая Александровича

⁷ *Смирнов Николай Александрович* (1896–1983). Востоковед, тюрколог, д.и.н., проф. Спец. по тюркологии, османистике, исламоведению, кавказоведению. Завкафедрой востоковедения (1939–1940), декан ист. отделения (1940–1941) Московского ин-та философии, литературы и искусства. Завкафедрой истории стран Ближнего и Среднего Востока ИВЯ (1956–1960), директор ИВЯ (1956–1958).

⁸ *Миллер Анатолий Филиппович* (1901–1973). Востоковед, тюрколог. Д.и.н., проф. Спец. по истории Турции. С 1920 г. на дипломатической работе. Зам. Зав. Первым вост. отделом НКВД СССР, эксперт на конференции по Проливам в Монтрё (1936). Эксперт НКВД СССР на Тегеранской (1943) и Ялтинской (1945) конференциях. Сотрудник Ин-та истории АН СССР (1941–1965), ИВ АН СССР (1966). Преподаватель МИВ (1926–1930, 1944–1946), истфака МГУ (1937) ИВЯ (1956–1973), Ин-та философии, литературы и истории (ИФЛИ), Высшей партийной школы, Курсов дипломатических работников.

написал свою первую кандидатскую. После этого я гнусно переметнулся к Анатолию Филипповичу. Он, конечно, был сильнее.

АК: Половина Москвы знает, что в студенческие времена вы активно увлекались общественной работой, самодеятельностью и концертами, и даже будучи взрослым преподавателем тоже всегда любили это дело. Это помогало усвоению востоковедной науки?

ММ: Конечно! Дело в том, что наша школа отличалась тем, что раз в полгода мы ставили спектакли. Это не я придумал и воодушевлял всех, но получалось, что мы все в них участвовали. Мой лучший друг и все другие охотно участвовали – отчасти потому, что к нам приходили на эти мероприятия девушки из соседней школы. Нас к девушкам не пускали, но мы на это не обижались. Наш директор школы понимал, что нужно время от времени какой-то «пар» выпустить, чтобы было интересно, чтобы мы учились, хвалились своими пятёрками, особенно перед девушками. Это всё играло большую роль в то время. Какое-то ощущение, что без концерта или мероприятия в школе не было праздника. В МГУ я был не то чтобы главный. Но среди той малой массы людей на первом курсе или массы девочек на втором курсе я выглядел «маэстро», который умел говорить, сочинять, участвовать во всех концертах. Поэтому сложилось впечатление, что я «главный культорг» института. Однажды меня похвалил ректор МГУ, который посмотрел наш концерт и был поражён тем, как мощно выступили востоковеды. Потом это нам помогло, когда мы поехали на целину. Без этого общаться с местным народом было бы трудно! Не то чтобы они не умели петь или танцевать, но такое массовое нашествие «артистов», которые ехали за полстраны с концертами – это было необычно, и мы пользовались большой славой. Потом случилась авария с нашим автобусом. Двое ребят погибли, а несколько человек были ранены и лечились под надзором ЦК Комсомола.

ВГ: Ваши однокурсники *Н.Е. Боревская*⁹ и *С.А. Торонцев*¹⁰ тоже рассказывали, что ездили на целину, где вы были бригадиром. Как вы вспоминаете то «целинное» прошлое?

ММ: Я был очень доволен тем, что мы поехали на целину, поэтому я потом и второй раз поехал! Мне казалось, что это хорошее начинание, и мне ещё нужно было заехать на второй год к пострадавшим ребятам, которые там лечились. В первый год мы сразу же взяли определённую тональность: у нас было «топорное» партийное начальство и очень красочная оппозиция. Не могу сказать, что я был ярким оппозиционером, там были и более яркие фигуры, но я тоже выступал, когда нужно было. У нас было чёткое противостояние: те стояли

⁹ *Боревская Нина Ефимовна* (1940 г.р.). Китаевед, к.ф.н. (1970), д.и.н. (2002). Окончила ИВЯ МГУ (1965). Сотрудник ИЭМСС (1965–1966), ИДВ РАН (1966–2014). Иссл. вопросы образов. в Китае, член Рук-ль совета Межд. ин-та планир. образов. UNESCO.

¹⁰ *Торонцев Сергей Аркадьевич* (1940 г.р.). Китаевед, д.и.н. (1992). Окончил ИВЯ МГУ (1963). Стажёр Пекинского ун-та (1962–1963). Сотрудник ИДВ РАН (с 1967). Засл. деятель науки РФ (2002). Член Союза кинематографистов России (с 1983).

за то, что мы должны главным образом поднять урожайность, а мы считали, что должны в первую очередь местному народу показать, что мы приехали вместе с ними работать. Мой тракторист мне говорил: «Миша, я сегодня еду с тобой в Алматы. Ты подумай, что хочешь купить или нужно ли тебе в поликлинику. Я в такое-то время буду там-то, а ты погуляй по городу!» Я тем временем, действительно, сумел узнать город очень хорошо, очень красивые места! Он исправно ждал меня в месте встречи, такое ощущение некоего братства возникало. Вот, вроде бы, что я этому трактористу, что он нам?! Но тем не менее была интересная взаимная связь. Не было того, чтобы кто-то кого-то хуже себя считал! К сожалению, в первый год нам однажды крупно не повезло! Случилась та катастрофа с машиной, в которой погибло трое наших девочек, и несколько человек осталось лежать в больнице. После того, как все закончили службу в качестве целинников, меня пригласили остаться, по просьбе раненых – чем-то я им понравился. И я остался с ними. Моя задача состояла в том, чтобы ходить в ЦК Комсомола и говорить, кому что нужно. Поскольку нужно было показать, что Казахстан переживает о случившемся, нам ни в чём не отказывали. Я зашёл к комсомольцам и сказал, что ребятам хорошо бы мешок яблок. А недалеко от столицы росли замечательные вкусные яблоки! Яблоки прислали, так что в этом смысле всё было хорошо. И я почувствовал себя нужным человеком!

АК: Спустя много лет вас наградили орденом уже независимого Казахстана!

ММ: Да, но и в то время меня наградили какой-то медалью. Конечно, мы много увлекались художественной самодеятельностью, что иногда не совпадало с учебным процессом. Соответственно, нужно было каким-то образом это урегулировать, и моя забота заключалась в том, чтобы я эту проблему решал. После этого я сразу выбился в «большие начальники» и заканчивал институт на «начальственной ноте».

АК: Поэтому, когда вы окончили ИВЯ, вопрос, куда идти дальше работать не вставал, и вы решили пойти в аспирантуру?

ММ: В аспирантуру. Я поговорил с Анатолием Филипповичем и спросил, потяну ли я кандидатскую диссертацию. Он говорит: «Вместе потянем, поэтому ты давай, показывай, что делаешь, какие книги читаешь, я тебе буду подбрасывать идеи, и так у нас вместе получится!» Вот так и получилось!

ВГ: Как у вас сформировалась тема кандидатской диссертации?

ММ: Она формировалась таким образом, что Анатолий Филиппович предлагал ситуацию какого-то этапа развития Турции. Но Анатолий Филиппович заканчивал всё «поздним средневековьем», а новая и новейшая история им не рассматривались. Я понял, что, если хочу сыграть с ним в одинаковую игру, не в смысле, что на одном уровне, а в смысле продолжения, то начать надо с того, где он закончил – на средневековье. Главное, чему он меня научил – это работать с источниками. И это главное, чему надо научить студентов, а не газетки читать. Вот у того студента, который с первого курса хотел стать главой ЦК КПСС, у него как раз в голове в основном была политическая история – как правильно, как неправильно. Мне всё это, конечно, не нравилось... Всё же человек ушёл из жизни, поэтому ругать его ни в коем случае нельзя, но его

направленность была не в ту сторону. Я считаю, что он мог быть более интенсивным специалистом, если бы не разделял время на то, когда занимался политикой. Причём политикой занимался не здесь, в институте, а всё время печатал свои статьи в журналах. Но журналов тогда было видимо-невидимо. У меня самого год не проходил без печати в журналах.

АК: Востоковедение существовало в контексте крупных событий. Вы писали, что для нашего института смерть Сталина и «оттепель» были живительным периодом, когда всё бурно развивалось. Позвольте спросить, какие крупные события в жизни страны или вашей жизни определили вашу биографию?

ММ: Мою биографию вряд ли буду трогать, но я безусловно очень хотел, чтобы наш институт, который только зарождался, не остался на задних рядах основных факультетов в нашем университете. Для того, чтобы соответствовать, нам нужно было сделать максимум. Не только написать что-то интересное, но и сделать многое для развития связей, в данном случае с Турцией. Действительно, с того времени сложилась прочная линия сотрудничества. И арабы привыкли к нам, не удивлялись нашим приездам, и турки, в конце концов, тоже спокойно начали приглашать меня в частные квартиры, в простые семьи. Они хотели, чтобы мы, русские учёные, посмотрели, как они живут. А я, со своей стороны, говорил: «Мальчик ваш, 7–8 лет, не хочет со мной пройти в Музей морского флота?». Я знаю, что дети любят такие вещи. Он, действительно, не был в этом музее и тут же согласился! Мы с ним пошли, благо я знал, куда идти: по дороге был стадион, а если спуститься вниз, у моря находился султанский дворец, а дальше находился музей морского флота, очень интересный. Они, по-моему, как мореходы не очень состоялись – такой пустой зал. Может, я неправильно говорю, но, на мой взгляд, есть музеи в Турции, в которые войдёшь и не знаешь, как пробиться среди толпы. Я сам ходил в эти музеи, для меня это очень важно было, чтобы как-то использовать это на своих лекциях. Главное, что я говорил всегда нашим ребятам: «Когда приезжаете в Турцию, сходите в этот музей, очень большой, находится на горе, весь город видно, такие сокровища, с самых древних времён!» Я, по-моему, очень успешно подбивал людей, чтобы они были в восторге от Турции, как и я. А, главное, что потом в книгах, в художественной литературе это всё отыгрывается, – все эти находки средневековья и древности, они турецкими писателями хорошо используются. Поэтому я рассчитываю, что и наши русские студенты тоже будут входить в эту культурную среду.

ВГ: Когда и как вы впервые оказались в Турции? Каковы ваши самые первые впечатления?

ММ: Самые первые впечатления были, конечно, очень короткие. Довольно официальные, я уже был какой-то начальник в институте.

ВГ: В каком году это было?

ММ: Боюсь даже сказать, сейчас уже даже не вспомню!

ВГ: 1970-е? 60-е? 80-е годы?

ММ: В 1970-х годах. Это то время, когда в Турции, с одной стороны, разыгрались драматичные события среди левых и правых, а, с другой стороны, была возможность использовать это время, чтобы подучить ребят тому, что они

могут увидеть в Турции. Я сам в то время бродил по всем книжным магазинам и, по возможности, покупал всё, на что хватало денег. Это, конечно, главное, что меня привлекло в первую поездку, хотя, конечно, я прославился не из-за того, что книги привёз. Мама [увидев книги] с ужасом сказала: «А куда их поставить?»»

Слева направо: М.С. Мейер, Р.Б. Рыбаков и Д.Д. Васильев во время конференции в Стамбуле. 1990-е гг. Фото из архива Д.Д. Васильева

ВГ: А чем вы прославились?

ММ: А прославился я тем, что в аэропорту продавали очень вкусные вещи. В-первых, я покупал турецкий кофе, очень хороший, и потом всех своих коллег одаривал этим добром. До сих пор у меня остались кофейные принадлежности. Я приучал всех своих молодых учеников к тому, что главное для турков – это выпить кофе. Так что надо это понять и требовать, чтобы угостили вкусным кофе! Тогда турки поймут, что ты умный человек и, соответственно, с тобой можно разговаривать. Конечно, если так всё время настраивать студентов на хорошее, потом и сам доходишь до очень хороших людей в Турции.

Своей главной удачей как тюрколога я считаю встречу и знакомство с выдающимся учёным *Ильбером Ортайлы*¹¹. Я много турецкого читал, но оно во многом повторяется с политизированной линией, а у него – нет, поскольку он начинал свою карьеру не в Турции, а в Европе. Его родителей захватили в плен немцы и отвезли в Вену, а мальчик, Ильбер Ортайлы, учился там в школе и потом в университете. Он был абсолютно не турецким учёным! Это была моя большая победа, потому что я нашёл человека, который смотрит на историю близко, по-европейски. До сих пор, при сопоставлении его с другими турецкими учёными, понимаю, что многие должны были пройти «европейскую школу», что многие сейчас и делают. Но в то время, когда я нашёл Ильбера, мне показалось, что он был единственной выдающейся фигурой в турецкой науке. Его любовь к своей стране несомненно существует, но это не такая ситуация, когда он не видит и не понимает, как развивается тюркология в мире, в России.

Ильбер Ортайлы

В последние годы он любит приезжать в Россию, ему интересны встречи с русскими учёными, с удовольствием водит русских тюркологов по интересным местам Турции. В то время как в политике у нас никак не складывались отношения, у нас, историков, царила такая благодать! Ильбер помог мне организовать школу в маленьком городке, где у него была дача. Мы нашли маленький домик, где никто не жил, и разместили там наших студентов. Так они вошли в обычную жизнь турок, не выделялись ничем. В этом смысле конечно все они стали благодарить Ильбера за организацию. У него вообще было две дачи. Одну он подарил мне, но у меня, конечно, никогда не хватит наглости занять эту дачу. Очень хорошее место, но всё-таки для меня – ненужная вещь, я лучше поживу в какой-нибудь бедной гостинице, но это даст не меньше интереса, чем такая замечательная дача с таким хорошим турецким учителем. Вот такая наша жизнь!

¹¹ *Ортайлы, Ильбер* (1947 г.р.). Турецкий историк, профессор. Директор Музея дворца Топкапы (2005–2012). Специалист в области истории Османской империи. Член Редколлегии журнала «Восток».

На приеме в резиденции посла Турецкой Республики. Слева направо: А. Дж.-Э. Коркмасов (внук Дж. Коркмасова, подписавшего Московский договор о дружбе и братстве 1921 г.), ученица М.С. Мейера и сотрудник политического отдела Посольства ТР Е.А. Васильева, Чрезвычайный и полномочный посол ТР в РФ А.А. Сезгин, М.С. Мейер, тюрколог В.И. Кононов. Москва, июнь 2016.

ВГ: Есть ещё один важный человек в вашей жизни! Скажите, пожалуйста, как вы познакомились с вашей супругой, как её имя отчество?

ММ: *Руфина Рудольфовна*¹².

ВГ: Она тоже востоковед?

ММ: Она «востоковед по отцу», он очень хороший китаист был. Умер в 1995 году, к сожалению. Она была из востоковедной семьи, поэтому прекрасно понимала, как трудно жизнь идёт у тюркологов. И если найти хорошего человека, вроде меня, то можно за него и замуж выйти! Так мы и живём с ней уже множество лет. Я единственное, что понимаю, что условия жизни сейчас не очень хороши из-за болезни заразной. Мы фактически теряем время, закрыв себя в квартире! Эти свои книги я уже давно прочитал, могу ещё написать парочку. Но, конечно, эти книги уже должны быть на полках специальных

¹² *Вяткина Руфина Рудольфовна* (1937 г.р.). Историк, к.и.н. Окончила МОПИ. Сотрудник Ин-та всеобщей истории АН СССР. Осн. направление исследований – история Южной Африки в кон. XIX – нач. XX вв. и колониальная политика Великобритании в Южной Африке в тот же период. Дочь китаевода Рудольфа Всеволодовича Вяткина (1910–1995). Супруга М.С. Мейера.

студентов. Для меня слишком много книг уже! Это хорошо, но вот студенты, как я вижу, пользуются одной-двумя турецкими книгами, пока набирают высоту. Потом, когда они поедут в Турцию, они научатся выбирать хорошие книги и магазины. Но сам я столько набрал в результате поездок и подарков, которые мне делали турки, что это, конечно, уже некий перебор! Надо как можно быстрее отдавать их в институт. Поэтому если я скажу это сделать, встанет вопрос: «А где это храниться будет?» Вот я и не знаю, что делать, потому что у нас только одна аудитория есть, где мы могли бы держать научную литературу, чтобы тюркологи, ближневосточники или арабисты ходили туда за книгами. Я собрал уже большую серию книг, которую хотел бы оставить там.

ВГ: Позвольте всё-таки дополнить предыдущий вопрос: как вы познакомились с супругой? В студенческие годы? Или когда?

М.С. Мейер в своем кабинете в ИСАА МГУ

ММ: Нет, не в студенческие. Я узнал её, когда она работала в институте – правда, на низовой работе. Она только пришла после окончания института к нам, работала у нас на какой-то невысокой должности. Я считаю, что в людях уже давно разбираюсь, и мне показалось, что если я теперь уговорю её на что-то решиться, то она согласится. И действительно, я перед этим сделал несколько концертов в институте, чтобы показать себя. И мы нашли, так сказать, общий язык в итоге. Я пошёл к её замечательному отцу, просить руки её дочери. А ему не до меня, не до всего этого дела – сказал, что нужно поговорить с мамой. Маму её я тоже уже знал, тоже не думал, что будет что-нибудь сложное. Так мы

эту вершину преодолели и очень быстро оказались мужем и женой. Для начала я повёз её к своим в Латвию, а потом мы поехали к ним на Дальний Восток. Вот так мы провели два первых совместных года, когда привыкаешь один другому.

ВГ: Ваш тесть Рудольф Всеволодович, говорят, был строгим человеком, даже суровым. Вы нашли с ним общий язык?

ММ: Запросто!

ВГ: А каким он был человеком?

ММ: Как человек он был немножко «в себе», то есть «в Китае». Разговаривать со мной трудно было или, скорее, не трудно, а просто он считал, что нет нужды много разговаривать с мужем своей дочери, раз у них всё хорошо. Ему главное было, чтобы она не жаловалась на свой выбор. Она никогда не занимала позицию, чтобы охаять меня, поэтому и отец, и мать её очень легко пошли на заключение брака. Очень весело было! Был ещё её брат *Анатолий Вяткин*¹³, немножко помладше меня, он веселил публику во время свадьбы. Мы все так очень весело провели время и, по-моему, все были довольны!

АК: Давайте теперь попробуем затронуть другую тему. Вы проработали в ИСАА МГУ больше полувека и длительный период руководите ИСАА. Институт прошёл несколько этапов. В 1990-е годы был сложный период разброда и шатания, но, с другой стороны, прежние ограничения и всякие запреты рухнули. Как вам кажется, какой период в истории ИСАА был всё-таки самым плодотворным и творческим?

ММ: Считаю, что это то время, когда у нас директором был не я, а, вы догадываетесь, какой китаист.

АК: *Арлен Ваагович Меликсетов*¹⁴?

ММ: Да! Вот при нём был расцвет интеллектуальной жизни института! Не как при первом нашем директоре «два шага вперёд, один назад». Тот просто был хорош как арабист, но, с точки зрения жизни студентов и жизни коллектива, он был неважен. Это продолжалось в общем до тех пор, пока к нам в институт не пришёл Меликсетов. Надо сказать, именно я уговорил его на это. И он «отомстил» мне тем, что порекомендовал меня в качестве следующего директора. Между нами была очень хорошая связь, мы понимали друг друга. Это не значит, что я плохо понимал других, но какой-то уровень интеллектуального взгляда на нашу жизнь был очень важен и для меня, и для него, поэтому мы как-то чувствовали себя очень хорошо. Единственное, что всё закончилось очень быстро, потому что Меликсетов заболел.

¹³ *Вяткин Анатолий Рудольфович* (1946–2015). Востоковед, историк, антрополог, к.и.н., специалист в области демографии. Участник и организатор антропол. экспедиций в Крыму и Абхазии. Завсектором социо-антропол. иссл. в странах СНГ, завсектором древней и средневековой истории Отдела Китая ИВ РАН. Главред научного журнала «Диаспоры».

¹⁴ *Меликсетов Арлен Ваагович* (1930–2006). Китаевед, д.и.н. (1976), профессор (1976). Окончил истфак МГУ (1953). Сотрудник Ин-та китаеведения АН СССР (1956–1960). Преподаватель МГИМО МИД СССР (1960–1989). Директор ИСАА МГУ (1989–1994). Главред журнала «Китаеведение» (с 2000).

АК: Когда вы уже стали директором, тоже было много реформ. Например, было создано несколько кафедр: Центральной Азии, истории и культуры Японии, иудаики, разные исследовательские и центры. Наверное, это было продолжение тренда, который начался ещё при А.В. Меликсетове?

ММ: Вы знаете, он, конечно, развернулся при Меликсетове. А вообще, я к тому времени уже поднаторел в Турции, в турецких университетах. Не могу сказать, что там лучше, чем у нас, но разнообразие направлений в Турции, конечно, меня тогда удивило! Чтобы такая широта взглядов, такие понятия! Мне всё казалось, что это люди совершенно одинаковые, а потом вдруг меня ловит буквально один из провинциальных мэров и говорит: «Михаил Мейер, я вас приглашаю к нам на открытие очень интересного заведения!» Отказывать ему было невозможно, тем более что это было не в центре, а в провинциальном городе. Провинциалы, конечно, очень обижаются, а тут нам нужно было ещё в этом городе разместиться с нашими студентами на некоторое время. Я был готов на всё идти, чтобы приобрести общежитие! И вот он говорит, что хочет пригласить меня! Я спрашиваю, что это будет, а он мне говорит:

– А вы знаете амазонок?

– Знаю, – говорю – амазонок.

– Вот мы и хотим сделать музей амазонок

Ну, я говорю:

– А у вас это получится? Женщины турецкие разрешат это?

– А что?

Я говорю:

– Ну, вы поглядите, как они одеты, те амазонки! Вы посмотрите, как это будет выглядеть со стороны такой серьёзной турецкой духовной жизни!

– Ну, я не думал, что вы такой реакционер!

– Да я, говорю, с удовольствием буду ходить к вашим амазонкам, только это не турецкое зрелище!

Самое главное, через год он меня поймал и сказал:

– Ты прав! Но так хочется сделать что-то оригинальное!

М.С. Мейер, Ю.М. Алиханова, А.М. Дубянский

ВГ: Вы работали со многими замечательными коллегами-востоковедами, например, с *Михаилом Филипповичем Юрьевым*¹⁵. Можно ли сказать несколько слов о Юрьеве?

Профессор ИСАА МГУ М.Ф. Юрьев (1918–1990)

ММ: Юрьев был для меня «человек-совесть» среди историков. Дело даже не в том, что он стал заведовать кафедрой, а в том, что он всегда был на высоте своих представлений о том, что должна представлять из себя историческая часть учащих ИВЯ. Он не захватывал филологов, потому что у нас иногда было взаимное недопонимание, но не настолько, чтобы не разговаривать друг с другом. Но всё-таки филологи жаловались, что историки их не понимают, что они забирают у них чего-то такое. В этом смысле найти такого хорошего преподавателя, который бы был бы пригоден, конечно, тяжело.

ВГ: А арабист *Ирина Михайловна Смилянская*¹⁶ как вам вспоминается? Вы работали с ней?

Профессор И.М. Смилянская (1925–2019)

¹⁵ *Юрьев Михаил Филиппович* (1918–1990). Китаевед, д.и.н. (1967), профессор (1969). Окончил истфак МГУ (1941). Ветеран сов.-фин. войны (1939–1940) и ВОВ. Преподаватель истфака МГУ (с 1950), ИСАА МГУ (1956–1990). Сотрудник ИДВ РАН (с 1967).

¹⁶ *Смилянская Ирина Михайловна* (1925–2019). Востоковед, арабист, османист. Д.и.н. (1981), профессор. Сотрудник (с 1956), в.н.с. Центра арабских исследований ИВ РАН. Специалист по новой и новейшей истории арабского Востока, арабским провинциям в составе Османской империи в конце XIX – начале XX вв.

ММ: Её я знаю ещё по истфаку, когда слушал её лекции. Мы очень быстро подружились и, несмотря на разницу в возрасте, беседы у нас были очень интересные! Поездки и встречи в Киеве, на Украине – тоже! Она родом оттуда была и с неким страхом рассматривала меняющуюся ситуацию в её любимой Украине. Соответственно, это была одна из тем наших с ней разговоров, даже не про Восток как таковой, хотя мы близки по взглядам касательно Ближнего Востока и арабистики. Но, главное, было её ощущение, что уже всё хорошо, надо Украине развиваться. Но на самом деле она чувствовала, что пойдёт всё на разрыв. Это её очень подавляло, расстраивало, особенно в последние годы её жизни, когда она не могла особенно много двигаться. Мы в гости приходили, и разговоры шли у нас про Украину, хотя я к Украине прямого отношения не имел и даже вряд ли где-нибудь там надолго оставался. В столице-то, конечно, был, но довольно мимоходом. Мне кажется, что она вырастила очень хорошую группу молодых специалистов, которые занимались Ближним Востоком. И мне кажется, что это был основной успех в направлении её деятельности. Она была человеком очень широких взглядов! Тогда я впервые от неё узнал, насколько Украина может отличаться от России. Уже в последние годы я узнаю о гораздо более тяжёлых ситуациях, чем то, о чём рассказывала мне Ирина Михайловна.

АК: Три фамилии, которые, мне кажется, нельзя обойти – это *Ацамба Ферида Мустафовна*¹⁷, *Фридман Леонид Абрамович*¹⁸ и китаист *Катица Михаил Степанович*¹⁹. Какими вы их запомнили?

Профессор ИСАА МГУ Ф.М. Ацамба (1922–2016)

¹⁷ *Ацамба Ферида Мустафовна* (1922–2016). Востоковед, арабист. К.и.н., профессор (1994). Специалист по социальной, экономической и религиозной истории Египта XVI–XIX вв. Зам. Завкафедрой истории стран Ближнего и Среднего Востока. Директор Центра по исследованию проблем религии стран Азии и Африки: история и современность ИСАА МГУ. Почётный работник высшего профессионального образования РФ.

¹⁸ *Фридман Леонид Абрамович* (1930–2019). Востоковед, арабист. Д.э.н., профессор (1973). Специалист по проблемам экономики арабских стран, стран постсоветского пространства. Профессор кафедры экономики и эконом. географии стран Азии и Африки ИСАА МГУ.

¹⁹ *Катица Михаил Степанович* (1921–1995). Востоковед (китаевед), историк, дипломат. Д.д.и.н. (1958), профессор (1960), членкор АН СССР (1987). Сотрудник МИД СССР (с 1943). Чрезв. и полном. посол СССР (1960). Завкафедрой истории Китая в ИВЯ (1962–1987). Зам. министра иностранных дел СССР (1981–1987). Директор ИВ АН СССР (РАН) (1987–1995).

ММ: Те, кого вы назвали – это люди, с которыми я был очень близок и активно сотрудничал. Должен сказать, что самое первое моё знакомство и преподавательское взаимопонимание было с Феридой Мустафовной. Она очень быстро поняла, как я веду занятия, была спокойна за меня. Более того, даже взяла меня в поездку к себе в родной город, чтобы я прочитал там какие-то лекции. Ей нравилось, как я читаю лекции в институте. Может, она считала, что нужно обязательно показать меня студентам. Надо сказать, аудитория была по уровню ниже, чем в Москве, поэтому, при всём моём уважении к Фериде, я просто не хотел ей говорить об этом. Но студенты мне ответили тем, что ходили к этому учёному человеку, а мои лекции слушали «в пол уха».

Зато я прославился тем, что объявил: «Ферида Мустафовна мне сказала, у вас очень хороший кофе!» Когда я сказал это в присутствии всех преподавателей того института, мне ответили: «Михаил Серафимович, сейчас мы это организуем!» Практически все сотрудники бросили занятия и выстроились в большую «колонну», чтобы провести меня по местам, где можно найти хороший кофе. Дело в том, что, несколько дней, пока я там жил, я всё ходил по разным столовым и пытался попить кофе, а вместо этого, такую отраву имел! И никак не мог понять, как они так могут жить с таким плохим кофе! В итоге была целая демонстрация: впереди нас шёл кто-то из молодых и объяснял, что вот идёт преподаватель с гостем из Москвы, который хочет попробовать их кофе! Кто-то говорил, что самый лучший – на пристани, кто-то, что вкусный кофе в гостинице. Я говорю, что уже был там, а мне отвечают: «Ну, вы где были, на первом этаже? А нужно на четвёртый! Не были?!» Говорю, что не был. У меня появилась возможность посидеть на 4-м этаже, но сначала мы прошли через весь город к пристани, подошли к маленькой лавочке, и они во весь голос, перебивая друг друга, начали объяснять, что нужно, чтобы я попробовал хороший кофе. Хозяйка поглядела на меня и говорит: «Вы знаете, сейчас у меня этого кофе нет, но если вы придёте в такую-то гостиницу и поднимитесь на 4-й этаж, то там работает моя сестра, и там вы можете выпить хороший кофе!» Я сразу пошёл в ту гостиницу, поднялся на 4-й этаж, где была замечательная картина: на всём этаже сидели старики и старухи, всё завершалось столовой,

совершенно примитивной. Но, видать, кофе делали действительно очень хорошо, по крайней мере то, что я попробовал! Когда я это рассказал Фериде Мустафовне, я в её глазах стал очень важным человеком, потому что действительно поверил в то, что они не обманывают насчёт кофе. А у меня было такое ощущение, что обманывают, потому что сколько я ни пробовал кофе до этого, мне с ним не везло (ну, европейское лицо у меня – видно, что человек пришлый и, значит, можно как-то посмеяться). С того времени я так с 4-го этажа и не спускался. И даже попросил переселить меня в ту гостиницу, чтобы я мог спокойно пить кофе! Ферида Мустафовна для меня человек, который может практически всё: и быть преподавателем, и быть человеком, с которым интересно разговаривать, и быть научным работником. Наша последняя с ней совместная работа – её перевод «Книги законов Египта»²⁰ особенно ей удался. Это был очень хороший человек и, конечно, нам будет её долго не хватать, тем более что, как старый партийный работник, Ферида не стеснялась говорить людям то, что думает или как она оценивает их поведение, как она считает правильно. В этом смысле очень важно, чтобы в институте был человек-праведник, и она действительно эту функцию очень хорошо выполняла!

ВГ: Андрей Ниязович спросил также про Леонида Абрамовича...

ММ: Леонид Абрамович для меня, как мой второй отец, так сказать. Я не помню своего родного отца толком, а вот Леонид Абрамович для меня – это человек, который готов был очень много со мной работать, всячески помогать мне и направлять меня.

Профессор ИСАА МГУ Л.А. Фридман (1930–2019)

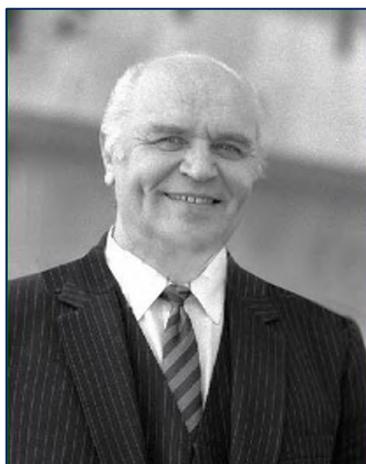
Это просто незабываемо, потому что я начинал с очень примитивных записок или размышлений, которые он не принимал, говорил мне, что это всё не надо, это всё «пустота». Говорил: «Давай лучше поедem с тобой в какой-нибудь город у нас в южных европейских провинциях! Я хочу показать тебе, какая нищета у

²⁰ Баркан, Омер Лютфи. Книга законов Египта. Мысыр кануннамеси (1524) / Перев. с тур.: Э.А. Грунина; прим.: Ф.М. Ацамба, Э.А. Грунина; предисл.: М.С. Мейер. М. Медина, 2017.

нас в стране!» Как экономист он чувствовал это, просто не выходя из своей аудитории или дома. Затем показывал это мне, и я не верил своим глазам! Но так было на самом деле, то есть практически нечего есть. И это вроде бы не окраина, европейская часть России! Он так далеко туда не ездил, он смотрел то, что есть прямо под рукой – эти провинции, совершенно потерявшие вкусы к жизни и так далее, жившие совершенно «день ото дня». Фридман, конечно, производил огромное впечатление. При этом же он успевал ещё влюбиться в какую-нибудь девушку. Говорил: «Миш, ну ты меня прикроешь, мы пойдём вместе!» Но на самом деле, никаких посягательств на девушек у него не было. Не раз я спрашивал у него, что, собственно, должен был смотреть и видеть. – «Ну ты посмотри, какая нищета, какая глупость, какая простота всей этой жизни! Это вот мы с тобой занимаемся такими мудрыми вещами, а на самом деле народ тут в таком состоянии. Таким было его ощущение своей трагедии, как человека и педагога, который пишет правильно, а в народе видится совсем другая направленность. Не его слушают, а слушают других людей, которые и заводят народ в голод и нищету. Он для меня вот этим был прежде всего важен! Он был страстный человек, очень любил девушек. Но это всё, как я считаю, всё-таки слабости обычного человека, а действительная боль у него – о том, как живёт народ, чем он пользуется или что он может иметь на завтрак, что он может иметь в обед, и почему, когда ты отъезжаешь от Москвы на какое-то расстояние, ты видишь совершенно другую страну, которая абсолютно не напоминает тебе Москву или Петербург! В этом смысле он меня очень хорошо обучил тому, чтобы видеть две половины России. Когда начались процессы последнего года, начавшиеся на Дальнем Востоке и спускавшиеся к Москве²¹, я очень жалел о том, что Леонида Абрамовича уже нет с нами, потому что это была бы для него ситуация, когда он, наконец, увидит тех людей, которые не хотят сдаваться и оставаться в прежнем положении. В этом смысле он, конечно, был очень хороший, но ушёл из жизни раньше, чем мог что-то сделать. Поэтому Леонид Абрамович остался у нас в памяти как учитель, из которого мы все вышли, особенно экономисты.

А вот М.С. Капица пришёл к нам в институт [из МИДа], и мы первым делом должны были решить, какую кафедру нужно ему дать: что-нибудь с современными политическими взглядами. Мы это дело сделали, и он начал свою карьеру, но, надо сказать, в целом не очень успешную с точки зрения того, что он так пропагандировал. Мне кажется, что направление его мечтаний очень серьёзно расходилось с тем, что делало его учреждение – Министерство иностранных дел и все власти. В этом смысле мне кажется, что его жизнь складывалась не очень удачно, потому что с его притязаниями он должен был быть ректором нашего института. Он и пришёл к нам в институт, чтобы стать директором, но не сложилось им стать. Сейчас я уже не помню, почему это произошло, но, так или иначе, он остался заведующим кафедрой.

²¹ Видимо, речь о задержании 09.07.2020 С.И. Фургала, вызвавшем демонстрации жителей Хабаровская и других городов.

Профессор М.С. Капица (1921–1995)

Кафедра интересная, кафедра политологии, но большого влияния на институт он всё-таки не оказал. Было такое впечатление, что он хотел бы этого, но сам не прилагал больших усилий, поэтому трагедия в нём самом была и очень быстро привела к его смерти. Мне кажется, что, в отличие от Фридмана или Фериды, он не выполнил свою миссию в жизни, хотя был человек очень приветливый, очень компанейский, поэтому отношения у меня с ним были хорошие. Он чувствовал себя, по-моему, непризнанным. Хотя вообще нельзя сказать, что он не был признан, потому что выступал всё время.

АК: Он был чиновник высокого уровня в МИДе, заместитель министра.

ММ: Да, как человек высокого уровня Капица часто выступал, но реальный результат это в общем не приносило, не было большого успеха. Так что, мне его жалко очень!

АК: Позвольте спросить про *Марию Фёдоровну Видясову*²², которая потом возглавила ту же кафедру, что и Капица, и которая в этом 2020 году трагично ушла из жизни от ковида!

Профессор ИСАА МГУ М.Ф. Видясова (1945–2020)

²² *Видясова Мария Федоровна* (1945–2020). Востоковед, историк, арабист. Д.и.н., профессор. Завкафедрой политологии Востока ИСАА МГУ (1991–2015). Спец. по политической истории арабских стран, социальным и политическим процессам в арабском мире.

ММ: Вот Маша была одним из самых близких мне людей! Не в том смысле, что я вот женат на другой и поэтому не должен смотреть на Марию Фёдоровну другими глазами, нет! Она была очень хороша собой временами, а временами совсем никак не выглядела, но дело в другом! Я её ценил как учёного. Для меня это было самое главное в ней, и в этом «учительстве» не стеснялась.

Она почувствовала, что я охотно слушаю её, и готова была брать меня с собой в поездки. Она нашла человека, с которым можно спокойно разговаривать. Или не спокойно, но по крайней мере интересно. Особенно мне было интересно, когда мы с ней отправились открывать самую западную арабскую страну в Африке! Мы старались сблизиться каким-то образом со страной и поставить вопрос о том, чтобы в их университете можно было заниматься нашим студентам арабистам, потому что у нас основной упор делался главным образом на Египет, а ей был интересен Тунис и дальше.

Мы с ней проехали от Туниса до самой западной страны, до Марокко, и собирались организовать сотрудничество для нашего института, чтобы он мог работать с арабским языком в таком чистом виде, как у тех арабов, которых мы застали. В этом смысле Видясова – человек абсолютно настроенный на помощь студентам, это самая важная сторона её научно-педагогической деятельности.

Мария Фёдоровна – женщина трагической судьбы, потому что при всех своих возможностях, при всём своём блестящем знании арабского языка, прекрасных родителях и так далее, она не могла найти своего человека, с которым могла бы связать жизнь. По-моему, у неё было несколько таких вариантов, о которых она мне рассказывала. Но её спутники один за другим куда-то исчезали, пропадали из виду. В общем, мне приходилось ездить с ней по Африке вместо того, чтобы

она могла ездить со своим человеком. К сожалению, эти «человеки» не были арабистами. Они были из других факультетов, им это было неинтересно, видимо. Когда я познакомился с одним из тех, о ком Маша думала, как о возможном претенденте, и мы с ним у неё дома распивали пиво, мне показалось, что он никак не хочет оставаться в этой квартире, собирается всё время сбежать. Почему так получилось, для меня большая загадка, ведь по всем показателям Маша выглядела очень красиво временами, когда хотела. И правильно одевалась, когда хотела, но временами у неё были такие чёрные дни или недели, когда она только курила, курила и курила, и сама себя портила, по существу, хотя, как человеком чести она была безоговорочно. Про всё, что она говорила, можно было сказать, что это правда самая настоящая. Эта правда обходилась ей очень дорого, но, всё равно, не приносила результатов. Так вот она и ушла из жизни, как не признанная королева нашего института!

ВГ: Пожалуйста, расскажите, каким был *Михаил Николаевич Пак*²³?

Профессор М.Н. Пак (1918–2009)

ММ: Михаил Николаевич Пак – замечательный человек! Я на всю свою жизнь запомнил свои поездки с ним в Корею! Я был совершенно человеком «не дальше Турции», и вся остальная Азия для меня была словно такая «песня без слов». Может, потому что я был в то время директором или, может быть, я чем-то я ему помог, но Михаил Николаевич почему-то захотел, чтобы я поехал с ним в Корею – сначала в Северную Корею, а потом в Южную Корею. Мы объездили всю эту Корею! Я получил фантастически интересную поездку, интересную по разным параметрам, но главным образом тем, что Михаил Николаевич всё это прекрасно понимал.

²³ *Пак Михаил Николаевич* (1918–2009). Востоковед, историк, кореевед. Д.и.н., профессор. Спец. по соц.-эк. и полит. развитию Кореи, Японии, Дальнего Востока, востоковедной историографии. В 1971–1995 гг. заведовал кафедрой истории стран Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии ИВЯ (ИСАА) при МГУ. Один из основателей Всесоюзной ассоциацией советских корейцев (1989) и её первый президент.

М.С. Мейер. Начало 2000-х гг.

То, что для меня было «непонятицей», как одеваться, как и что кушать, что делать и так далее, у него всё это было прекрасно сделано. Он собирал огромные аудитории людей, причём, самое интересное, не стесняясь того, что это могло быть в каком-то религиозном учреждении. Он приводил нас в эти огромные аудитории, где собирались сотни, а может и несколько сотен людей. Народ очень высоко его оценивал, очень его знал, люди любили и уважали его. И я, естественно, любил и уважал его, но никак не мог понять, что, собственно, происходит в жизни этой части Азии, потому что вроде бы всё есть, вроде бы всё под рукой, а сказать, что народ готов смириться со всем – вот этого я не видел. Поэтому мне кажется, что его старания были направлены не на то, чтобы привести в свою страну тюрколога, который ничего не понимает в этом мире [Дальнего Востока] (Корея – красивая страна, очень красивы пагоды, очень красивая еда и так далее. И красота, и мелодичность, и очень интересная психология человеческого общения – это всё было как раз для меня очень большой новацией). Я понимал Михаила Николаевича – что он в этой среде находится и нас всё время агитирует за развитие этой среды. Более того, я даже однажды уговорил свою собственную жену поехать с нами на конференцию в Японию, посвященную Первой мировой войне. Конференция не имеет значения, а важно то, что мы с Руфиной Рудольфовной посмотрели на Японию таким интересным взглядом. Первое, что бросилось нам в глаза утречком, когда мы гуляли и всю красоту наблюдали – вдруг началась весёлая музыка, и нам навстречу идёт отряд трёхлетних детей. Ну, отрядом его не назовёшь – это дошкольники или детсадовцы, но у них уже труба, барабан, даже какие-то военные игрушки, которые они тоже на себя надевали. Они идут и поют какие-то песни явно военных лет, такой настрой на борьбу. Спрашиваем: «Михаил Николаевич, зачем вот это всё нужно? Ведь и так Япония хорошо живёт, зачем ей это множество детей, которые все ходят по струнке и изображают из себя

будущих военных?» – «Ну, эти дети потом вырастут, потом они будут так и так...». Всё равно, по-настоящему он мне не рассказал. Конечно, дети вырастут. Но не оставят ли они вот это детское у себя только, а не для страны? Вот это я скорее не понял, хотя это его право смотреть на эти вещи с разной стороны. Во всяком случае Япония для М.Н. Пака была тоже интересной страной²⁴. Но всё-таки больше он гордился и любил Корею. И эта Корея подарила ему Северную Корею, на которую смотреть было тошно, когда мы ездили с ним по стране, настолько контрастно выглядела Северная Корея по сравнению с Японией и Южной Кореей, которые мы тут же видели. Эти массы военизированных мальчиков и девочек, женщин и взрослых людей шагают по площадям, поют странные песни и так далее. Такая военизация жизни не может быть положительным явлением для людей, которые уже испытали войну в каком-то виде. Поэтому я спрашивал у Михаила Николаевича, зачем ему нужно ходить вот туда, на что он отвечал: «Ну как же, это моя страна! Я выходец её и рассчитываю, что мы привозим сюда людей, которые занимаются Турцией, например, чтобы они видели, что есть и такой вариант. Ну и, может быть, вы расскажете, о том, как по-другому живут люди других странах, и сделаете доброе дело». Думаю, что корейцы особенно меня не понимали, потому что я не знал ни слова по-корейски.

ВГ: Вы замечательно вспоминаете коллег, поэтому позвольте спросить про моего бывшего научного руководителя – *Зинаиду Григорьевну Латину*²⁵, с которой вы проработали вместе больше полувека. Она была прекрасным китаеведом, но и у неё была по-своему сложная, драматичная судьба.

Профессор ИСАА МГУ З.Г. Латина (1934–2018)

²⁴ Корея была колонией Японии в 1910–1945 гг. Видимо, М.Н. Пак был знаком с Кореей времён японского правления.

²⁵ *Латина Зинаида Григорьевна* (1934–2018). Китаевед, д.и.н. (1986), профессор (1990), засл. профессор МГУ (2002). Окончила ИСАА МГУ (1957), истфак Пекинского ун-та (1960). Преподаватель в ИСАА МГУ (1964–2018). Специалист по средневековой истории Китая. Интервью для проекта «Китаеведение – устная история» см. на сайте ИВ РАН: <http://china-oral.ivran.ru/interview-in-pdf>, <http://politics.ntu.edu.tw/RAEC/act02.php>

Наверное, лишь вы сможете теперь в нескольких словах передать этот драматизм!

ММ: Что касается Зинаиды Григорьевны, то она не входила в круг моих ближайших друзей. Не в том смысле, что я, так сказать, чудил и избегал её, но в тех случаях, когда мы с ней пересекались, мне казалось, что в ней заложена некая иная субстанция, которую она боится раскрыть и показать. То есть она вообще была человеком уступчивым и очень заботливым, а среди нас это очень важное обстоятельство, потому что в востоковедении преобладает любовь к себе или к своим родным, но не к народу, тем более к чужому народу. Она как раз была женщиной, которая очень легко воспринимала Восток, очень хорошо его чувствовала. Вот это для меня было самое главное. Лапина стремилась сделать добро своим ученикам и коллегам, но всё-таки что-то непонятно она, и я даже не могу сказать почему. Мне кажется, что Зинаида Григорьевна в общем себя не нашла в институте. Мы, «мальчишки», считали, что у нас перебор «девочек» среди преподавателей и среди студентов. Здесь женщин слишком много, чтобы успеть на ком-то серьёзно остановиться. Вот с Машей [Видясовой] мы так остановиться были вынуждены, потому что у нас была близкая сфера – практически Ближний Восток, и поэтому от Маши далеко нельзя было уехать, она тебя находила быстро и привлекала своими идеями.

АК: Мы дали оценку некоторым коллегам, известным востоковедам. Позвольте также спросить про ваших младших коллег и учеников. Может быть, про сотрудников кафедры истории Ближнего и Среднего Востока. Кого вы можете выделить из числа выпускников разных лет?

ММ: То есть мы берём круг ближневосточников?

АК: Да. Кто – ваши лучшие ученики? Кто не подвёл и делает действительно большие успехи в науке и преподавании?

ММ: В этом смысле мне очень трудно говорить. Не потому, что у меня и у нас в институте нет такого большого количества действительно интересных людей, которых я бы выделил. Мне кажется характерным, что, поступив в ИСАА, люди рассчитывали стать большими людьми, прежде всего, с точки зрения культуры, политики и, может быть, превратятся в людей, которые смогут сыграть большую роль в жизни нашей страны. Пока мы сейчас говорили, у меня сложилось такое впечатление, что среди поступавших к нам в институт было немало хороших людей, но вот не было очень удачливого человека, который действительно мог бы сыграть очень важную роль в жизни, которая ему должна быть близка. То есть, с одной стороны, близка российской среде, которая представлена в ИСАА, а, с другой стороны, позволяющая существенно сдвинуть жизнь если не всей страны, то каких-то частей страны. Например, на мой взгляд, мы всё-таки вырастили довольно хорошую группу специалистов по мусульманским центрам нашей страны. Не в том смысле, что они располагают большими деньгами и поэтому построили замечательные здания и привлекают большое количество верующих мусульман. Мне кажется, что в этом смысле наше участие всё-таки оказалась очень невелико.

Д.Д. Васильев, Ж.С. Сыздыкова, М.С. Мейер. Астана, 2011

Был период, когда наши выпускники снабжали своими публикациями, связанными с жизнью мусульманского населения России, которые мы с удовольствием прочитали. Тем не менее я бы сказал, что эта литература не слишком сильно помогла изменить ситуацию. Спустя большой перерыв мы встречаем других людей, и они повторяют примерно то же самое, что говорили те люди, которые уже давно окончили институт и, может быть, даже успели умереть. В этом смысле мне кажется, что у нас очень много собственных надежд на появление некоего человека или некоего количества людей, которые будут в состоянии улучшить обстановку в институте или в принципе в образовании востоковедов в нашем университете. Но, по большей части, люди уходят к обыденной жизни и перестают быть носителями тех очень интересных идей, которые они имели в годы учёбы в ИСАА и в первые десять лет работы в институте. После этого, конечно, наступает период, когда сама жизнь как-бы «заедает» этих людей, и их вклад в будущее становится довольно неперспективным.

ВГ: Как вы оцениваете общий путь, пройденный востоковедением в России?

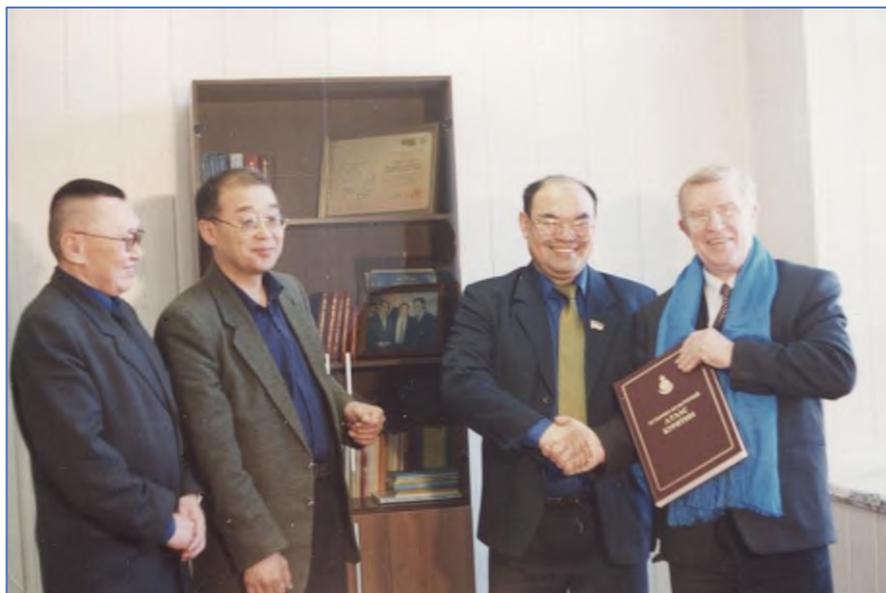
ММ: Российское востоковедение прошло большой и сложный путь: достижения, тяжелые утраты, научные озарения, горькие разочарования. Теперь видно, как из одной отрасли филологических знаний появился целый комплекс научных дисциплин, включающих в себя историю, этнографию, литературоведение, экономику, социологию, политологию. Здесь же наука о древних письменах и о новейших современных информационных системах. Огромный путь, пройденный российским востоковедением, можно разделить на два периода: первый – петербургский (развитие науки шло как бы вширь, охватывая все новые и новые сферы научного знания новые города, новые университетские центры) и второй – московский (он начался после того, как в

1950 году здесь был организован Институт востоковедения АН). Два века жизни в России научного востоковедения обеспечили отечественной ориенталистике ведущие позиции в мировой науке.

АК: В продолжение темы: ректор МГИМО *Анатолий Васильевич Торкунов*²⁶ написал в одной из своих статей о судьбах востоковедении, что сто лет назад востоковеды были как единый организм. Но за сто лет все разбрелись по «страновым квартирам»: кто-то Турцией занимается, кто-то Китаем, кто-то Ираном. Есть ли будущее у востоковедения, как у специальности, или его судьба сейчас в общем достаточно мрачна, несмотря на количественное расширение?

М.С. Мейер и Р.М. Валеев в кулуарах Съезда востоковедов в Казани

*М.С. Мейер и делегация ИМБГ СО РАН во главе с академиком Б.В. Базаровым.
М.С. Мейеру презентуют историко-культурный атлас Бурятии*

²⁶ *Торкунов Анатолий Васильевич* (1950 г.р.). Востоковед, кореевед. Историк, политолог, дипломат. Профессор, академик РАН. Ректор МГИМО (с 1992).

ММ: Мне кажется, перспектива сохраняется, прежде всего потому, что поток людей, которые хотят стать специалистами-востоковедами, не уменьшается. Не уменьшается и количество родителей, которые хотели бы отправить своих детей в этот институт и надеются на их успехи. Конечно, это может быть не самое главное, о чем нужно было говорить, потому что усердие родителей обычно ведёт к худшим вариантам, а не к лучшим. Мне некому было помогать. Я, по моему, так и делал в принципе, что хотел. А вот если у тебя очень обстоятельные родители, особенно мамы, то здесь возможности формирования самостоятельного человека могут быть довольно ограничены. Ведь если тебе просто указывают, что нужно сделать, сколько нужно прочитать, то в принципе это не делает из тебя будущего самостоятельного деятеля на восточном фронте. Вот так, мне кажется, выглядит эта ситуация. Я не склонен думать, что нынешние студенты, которые приходят к нам, хуже, чем те, которые были раньше. Зато очень хорошо вижу, какая разница между родителями и детьми. Я вижу, что родители по существу пытаются диктовать ребятам свою линию не только поведения, но и линию своих мыслей по поводу института. Это обстоятельство с годами будет усиливаться, так как, если существуют хорошие отзывы о нашем институте, то будет больше людей, которые хотели бы попасть в прославленный институт, поскольку людям кажется, что они смогли бы не только сделать большую карьеру в жизни, но и оказать большое влияние на страну в целом. Сколько я ни наблюдал за своими выпускниками, пока никто из них на уровне героев нашей экономической и политической жизни страны не выглядит слишком чётко, они не выглядят как люди на что-то целенаправленные. Мне кажется, в старых выпускниках это было более чётко выражено, они были более самостоятельны и в этом смысле более продуктивны. А вот дети хороших родителей, которые постоянно приглядывают за ними, которые всем обеспечивают движение вперёд, с точки зрения того, чтобы попасть в институт или получить хорошие оценки, действительно не обладают какой-то самостоятельностью решения. Зато желание занять более высокий пост или получать более высокую зарплату – это вот присутствует. Но как ориентируют детей родители, так они и ориентируются в своей будущей жизни. Для нас это, к сожалению, не лучший вариант, хотя я каждый год очень надеялся, когда ходил на Дни открытых дверей, и мы обсуждали с родителями и детьми их будущее, если они поступят в ИСАА, что ребята сами скажут о том, что они хотят, а не устами родителей. Пока я вижу такой чёткий перевес родителей надо детьми.

АК: Дети как бы стали более инфантильные, чем 50 или 70 лет назад?

ММ: Может быть, они более свободные, но эта свобода не всегда одинаково воспринимается. Если это обращено к какой-то науке, я понимаю это. Понятно даже то давнее желание нашей «троицы» ехать на помощь революции, хоть это теперь и выглядит смешно. Но если это направлено на то, чтобы стать первым секретарём чего-то, то, мне кажется, ничего хорошего из этого не получится. То есть мы как бы делаем всё наоборот.

АК: Вы не разделяете пессимизм в отношении востоковедения и не считаете, что сейчас кризис. Но некоторые говорят, что сейчас, когда выдвинут лозунг «поворота России на Восток», востоковедение как бы не справляется с задачей подготовки этого поворота, не способно повлиять на общественное мнение. Но, может, это совсем не та задача, которую должны решать востоковеды в вузах и Академии наук? Может, они должны не внешней политике служить, а больше заниматься качеством научных исследований? На этот вопрос у меня самого нет ответа. Может, у вас есть? Что нам нужно: помогать «повороту на Восток» или всё же мы должны делать более качественные и глубокие исследования?

ММ: То, что исследования должны быть более глубокие – это ясно. Другое дело, что современные возможности как раз гораздо выше, чем были у нас. Например, у меня не было никакого пособия, по которому я мог бы заниматься. Не было его и у преподавательницы, и она писала мелом на доске те фразы, которые мы должны были запомнить. И должен был появиться такой замечательный дядя-академик, который сдвинул это дело и как-то заставил иначе «затрепетать».

Так или иначе, я рассчитываю на то, что наши выпускники должны подвергаться очень важной проверке в плане того, зачем они идут на Восток. Сейчас на Восток можно идти, прежде всего, зарабатывать деньги. Но принесёт ли это богатство стране, по большому счёту? Сейчас появилось большое количество людей, которые хорошо говорят, но ощущается какая-то нищета идей. Есть такое ощущение, что поскольку таких «умников» появляется всё больше и больше, то, может быть, какая-то другая линия должна быть ... Это очень важно, потому как в последние годы я не слышу и не вижу какого-то своего взгляда на то, что человек хотел бы мне рассказать. Он хорошо излагает учебник или то, что ему сказали родители, или то, что он где-то услышал. Но в какой степени это есть выражение его собственного опыта изучения Востока? Конечно, Восток очень заманчив, его можно ходить и осматривать с огромным удовольствием долгое время.

*Слева направо: Умэда Ёсими, его жена Умэда Сэцуко, Э.В. Молодякова, М.С. Мейер.
Токио, 2004. Фото В.Э. Молодякова*

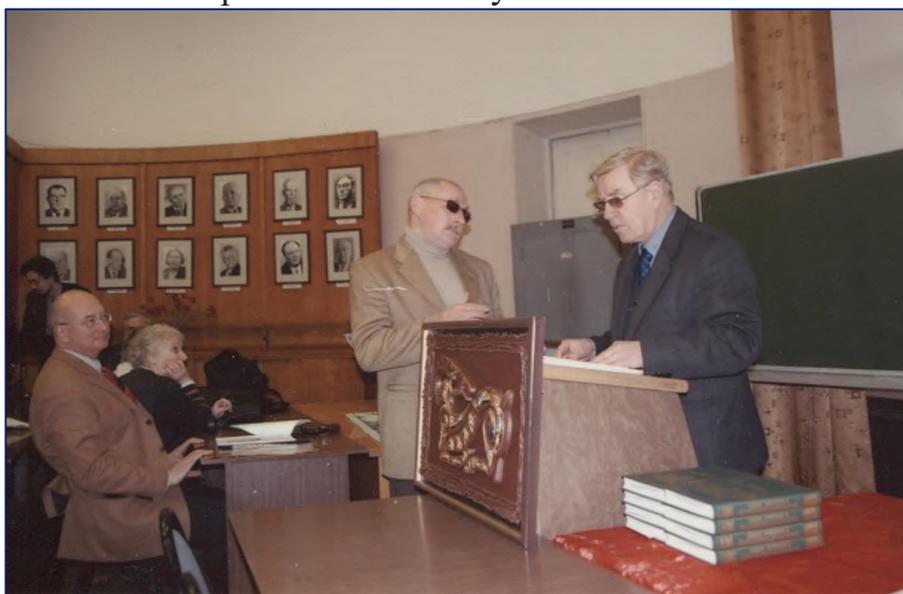
Я вспоминаю, как сам ходил по Японии, когда наши студенты в первый раз приехали на стажировку в Японии. У меня было довольно много времени смотреть не на то, как учатся наши студенты, а на то, как выглядит сама страна, в которой оказались наши ученики, будь то Корея, Турция или что-то ещё. Вот у меня здесь в соседней комнате стоит замечательное большое кресло. Когда мне его подарили, я спросил: а зачем мне эта вещь, что я с ней буду делать? Мне негде, собственно, ставить это большое кресло. А этот человек мне сказал: «Вы знаете, это ведь я просто хочу показать, как я люблю свою страну, откуда я привёз вам это большое кресло!»

ВГ: Миссия востоковедения рождается из намерений молодых людей, которые, например, хотели помогать революции в Египте. Кстати, вы окончили институт в 1960 году, а в 1961 году XXII съезд КПСС принял новую Программу партии, обещавшую, что через 20 лет нынешнее поколение молодых людей в СССР будет жить при коммунизме. Но прошло 20 лет, а через 30 лет рухнули СССР, КПСС и все мечты о коммунизме... Вы только что сказали про нищету идей и дефицит идеологии, который никак не заполнить мечтами о революции, деньгах и карьере. Но чем заполнить этот «вакуум»? Что может стать миссией востоковедения сейчас? Какие мотивы могут быть сейчас у этих молодых людей, как вы сказали, более свободных и современных, чем мы. Какие у них должны быть мотивы, если они хотят стать хорошими востоковедами?

ММ: Проблема здесь в том, что я не знаю, как изменилась та школа, которая была у меня и о которой я так говорю. Мои одноклассники – это очень простые ребята, и я никогда не думал, что нас хватит на столь долгое общение! Но мы каждый год встречаемся, и всё равно друг другу не надоедаем, у нас всё равно есть большой запас каких-то мыслей, которыми мы хотели бы поделиться друг с другом. Правда, обычно получается, что мы потом идём в какую-то забегаловку, начинаем пить и есть, и вся та благодать, что мы хотели обсудить, куда-то уходит. Поэтому не только нынешнее поколение этому способствовало, но и наше поколение, когда, считая, что нужно делать по-другому, садимся и выпиваем водочки, чтобы всё было хорошо! В общем я не уверен, что это так, из благих намерений получается. Но мне кажется, что нынешнее поколение уже не

застанет такого сложного процесса, который мы застали. Мы практически не знали книги, которая была бы посвящена длинной истории Турции. То, что создавалось, было отдельными кусочками того или иного периода этой истории. Их можно сложить в нечто единое, но это уж очень разные сами по себе вещи, и порой они не складываются никак, по крайней мере у меня. Иногда я даю эти книги современным ученикам и говорю – вы попробуйте поработать вот в этом ключе! А мне приносят такой «ключ», который я вообще бы не хотел видеть! Но в целом ситуация действительно неблагоприятна для развития востоковедения, и менять или не менять правителей института – не самое главное.

М.С. Мейер, И.С. Тарасов, Л.В. Гевелинг, Ю.М. Алиханова

... Когда я хожу на дни открытых дверей, у меня всегда хорошее впечатление остаётся, так как я вижу, что сидит кругом большое количество ребят.

М.С. Мейер в аудитории со студентами

Но я не вижу пока такого же напора, с которого мы начинали, вроде «давайте поедem срочно туда-то!» Как поедem, каким образом поедem, как это может быть реально, никого тогда сильно не волновало! Важна была какая-то идея, очень интересная! А теперь количество подобных привлекательных для людей идей становится всё меньше, а нам нужно каким-то образом всё-таки сделать ИСАА институтом, в котором люди действительно думают о будущем!

... Так что я с вами согласен, что мы сейчас переживаем эпоху большого духовного кризиса, который должны каким-то образом преодолеть. Мне кажется то, что происходило в прошлом году – это интересное появление в народе ещё одного героя-мученика страны²⁷. Он, как мне кажется, может быть, не случайно пришёл к нам с Дальнего Востока, не из центра, а из провинции, хотя сам-то он как раз в центре образования получал. Так или иначе, тот народ, который вышел защищать его, безусловно рассчитывал совсем на другой подход к жизни как раз с точки зрения новых идей. Но всё выходит не так просто и быстро, поэтому мне сейчас трудно сказать, как долго будет продолжаться поиск своего места и возможностей, которые мы должны вложить в умы наших выпускников. Для этого нужно подумать над тем, чтобы как-то изменить состав преподавателей института. Может быть, большинству уже в каком-то смысле приелась трудная работа по воспитанию молодых кадров. Так или иначе, это нужно осуществлять, хотя я думаю, что в большинстве случаев это зависит не только от наших преподавателей, но и в значительной степени от родителей, потому что все мы заимствуем определённые направления мыслей и идей если не от отца, то от матери. Вот откуда вдруг, ни с того ни сего, возникло желание поехать помогать Насеру в борьбе?! Не так давно, когда я приехал к Насеру, я ходил по городу и всё думал, где же эта революционная масса, о которой всё время по телевизору и в газетах рассказывают, что та бушует и бушует? Ничего не бушует! Все ходят, я бы сказал, довольные. На самом деле может они и недовольны, и лишь старательно изображают некое довольствие. Во всяком случае очень трудно понять, что из себя сегодня представляют люди Востока, которых мы должны были свести с нашими выпускниками. Но получится ли это соединение или нет – вот это проблема, которая меня очень сильно волнует!

АК: В советское время была традиция проведения всемирных конгрессов востоковедов. Как вы думаете, сейчас нужно восстановить эту традицию? Или это было хорошо для того периода, а сейчас вряд ли эта идея будет полезной?

ММ: Когда я в качестве директора начал «разгуливать» по разным странам от Аляски до Японии, у меня было такое ощущение, что значительная часть народонаселения, по крайней мере российского, не горит желанием заниматься Востоком. При этом количество поступающих вроде бы не уменьшается, сколько надо, столько вроде бы и набираем...

АК: Можно я вставлю реплику, с вашего разрешения. Не только не уменьшается, но и увеличивается! Число востоковедных центров резко возросло. Помните, в 1990-е и 2000-е годы наш институт даже содействовал

²⁷ Видимо, подразумевается С.И. Фургал.

процессу открытия новых центров, особенно за Уралом. При этом выросло ли наше востоковедение в качестве? Или это скорее рост вширь, но не вглубь?

ММ: Могу ответить, что меня приглашают из новых университетов, которые мы создали за последние годы, поучаствовать в аттестационной комиссии, послушать диссертации. Нам раздают выпускные работы, мы слушаем ответы выпускников, и у меня сложилось впечатление, что перед нами вообще какая-то «лавочка», где занимаются совсем не изучением Востока, а изучением того места, которое они получают после окончания университета. При этом самое интересное, что в отношении уровня знаний, который они продемонстрировали, у меня сложилось плохое впечатление, поэтому я откровенно сказал им об этом. Меня поддержали. Маслов в том числе сказал, что абсолютно со мной согласен в том, что это профанация. Во всяком случае это поколение не выглядит как поколение, способное совершить что-то «взрывное». Не могу сказать, что это касается всей России. Я говорю про Москву и про Ленинград, где разворачивается примерно такая же ситуация, поскольку я разговаривал с кем-то из ленинградских преподавателей о том, как стало «скучно» заниматься. Как, говорю, может быть «скучно» востоковедение? Это же столько всего! Молодой человек ещё так много не видел, не знает, ничего не понимает, а уже вроде бы скучно! Но это есть, поэтому дело обучения заменяется какими-то очень забавными вещами, которыми пытаются привлечь интерес. На самом деле действительно какой-то такой процесс идёт, и уже давно, судя по заведениям, в которых я в последние годы выступаю в качестве слушателя на защите работ. И если он дошёл до Петербурга, то, значит, в ближайшее время дойдёт и до Москвы!

АК: А в чём проблема? Если бы мы писали записку министру образования, что нужно требовать: дать больше денег на востоковедение? Или проблема не в этом?

ММ: Не в этом проблема, конечно. Деньги теперь есть. Мне кажется, в конце концов, можно даже собрать их на это дело. Но мы должны начинать с чего-то другого. Мы должны начинать с каких-то показателей того, что хотят сделать сами выпускники. У меня такое впечатление, что у них нет серьёзной мысли о том, что они будут делать после окончания института.

АК: Кроме личного благополучия, да?

ММ: Да. В этом смысле, может быть, нам было бы нужно и очень важно как-то поменять аудиторию. Если бы наших москвичей и петербуржцев поставить куда-то в провинцию, а из провинции взять этих ребят. Но это, конечно, абсолютно нереальные мысли! Хорошая придумка, но...

АК: Это можно сделать только с помощью Zoom и Skype, этих современных технологий, от которых, по-моему, уже все устали за весь ковидный год.

ММ: Этот год, конечно, вообще нас всех превратил в каких-то домашних работников. ... Думаю [по поводу студентов], что основное из того, что меня бы устроило – это самостоятельный ответ ученика нашего института на мой вопрос: хотите ли вы поехать на какое-то время учиться в Турцию?

Да, мы это делаем летом. Есть домик, который нам предоставил Ильбер Ортайлы, где мы можем пожить. Но, мне кажется, само присутствие наших студентов в Турции в общем тоже выглядит сейчас не очень продуктивным. То есть мы им говорим, что вот это раньше было не так, а теперь вот так, и у всех складывается впечатление, что всё идёт к лучшему, хотя на самом деле всё идёт совсем наоборот! Поэтому, возможно, как-нибудь собравшись с силами, мы всё-таки скажем, что серьёзно озабочены тем, как выстраивается гуманитарная мысль россиян, занимающихся Востоком, а также Западом и другими странами мира. Это нужно для того, чтобы понять, насколько мы соответствуем интересам тех людей, которым вы будете писать [служебные записки]. Или будем различаться своими идеями... Боюсь, что на первых порах мы, наверное, будем иметь одинаковые результаты для тех, которые «оттуда», и тех, которые «отсюда». В этом смысле возникает возможность неприятного решения о том, что, может быть, вообще закрыть наше заведение (ИСАА). А что сделать вместо него? Мне кажется, мы создали интеллектуальную среду думающих людей, в чём-то не согласных с тем, что проводят власти на высоком уровне – вот это очень важное обстоятельство, которое в институте ещё есть. Не скажу, что все кафедры работают в этом же ключе.

ВГ: Позвольте вернуться к личным вопросам. Вы сказали, что, когда начинали учиться, не было никакой литературы, учебников и пособий о Турции. Но сегодня, благодаря вам и вашим ученикам, фактически изучена уже вся Османская империя. Этих материалов достаточно?

ММ: Я теперь даже не пишу новое, а поправляю ошибки в старом.

ВГ: Вопрос в контексте исправления старого: когда вы ретроспективно смотрите на все свои научные работы, какая тема кажется вам сейчас самой интересной, важной и близкой?

ММ: Это хороший вопрос! Я занимаюсь только древностью и средневековьем. Я не занимаюсь Новым временем, не хочу ни у кого занимать место. Во-первых, ещё в молодые годы я усвоил, что «хорошие места» – не для меня, потому что все мои идеи о революции у Насера уже означали, что я несерьёзно отношусь к ситуации в своей стране. Конечно, очень важно смотреть, из чего бы мы будем исходить сегодня. Видимо, для нас очень важно, чтобы мы всё-таки нашли какую-то среду общения. Вот мы трое сидим и беседуем. Паша тоже с нами сидит, но помалкивает!

ПШ: Это ваше интервью, Михаил Серафимович. Я действительно, так сказать, скромно не вмешиваюсь в диалог.

ВГ: Судя по ответу на предыдущий вопрос, Вам наиболее близка тема подъёма и расцвета Османской империи, а не её кризис и упадок. Так ли это?

ММ: Вообще-то да. Но вся тема кризиса была «занята», я и не думал пробиться. Сейчас, может быть, ситуация изменилась. Может быть, действительно нужно начать с того, что происходит сегодня, потому что пример Турции с её вооружёнными конфликтами на фоне общей благости, которая была долгое время на Ближнем Востоке – эта совершенно изменившаяся, жёсткая и непримиримая ситуация – по существу, даёт для наших выпускников

интересную возможность заниматься сегодняшней Турцией. Не думаю, что они много вынесут из этого сразу. Но если дать им какого-то хорошего «сопровождающего», то есть человека, который знал Турцию раньше, то ситуация в глазах молодых может измениться, и они как-то могут понять нас, стариков, в наших непрерывных заботах. Конечно, старикам и старухам это свойственно всё время беспокоиться о будущем, но мне бы хотелось, чтобы это были не старики и старухи, а именно молодые люди, которые бы задумались об этих вопросах. Добиться этого – конечно, сложная задача, но решать её надо.

АК: При нынешнем президенте Турции Эрдогане происходит известный отход от политики «кемализма». Как вы считаете, эта тенденция идёт независимо от Эрдогана, из глубины турецкого общества, или это «неправильная» политика нынешней правящей партии? В правильном ли направлении идёт Турция президента Эрдогана, и к чему это всё может привести?

ММ: Всё, что идёт в Турции сегодня – это проблема, которая сильно может развернуть нашу востоковедную среду, наших исследователей в понимании того, что происходит в современном ближневосточном мире. Мне кажется, это не только Турция, готовая стрелять и проводить какие-то военные операции. Если посмотреть дальше, то за спиной Турции мы видим целый ряд других стран, которые просто не вылезают из военных ситуации и конфликтов. Как мне кажется, в этой плохой ситуации есть элемент интереса для современных молодых исследователей. Получится так на самом деле или нет, трудно сказать. Насколько это не будет «концертом», неким таким «шутовством». Я, например, наблюдал, как турецкий президент идёт по какой-то «авеню» и вдруг останавливается: «Я же говорил им, что нельзя курить в доме!» Заходит в дом, поднимается, устраивает разнос семье и тем людям, которые сидят и курят. Это ситуация, которая дошла до какого-то анекдотического толка. Сколько можно быть начальником в стране, насколько можно позволять себе всё, что хочется. Я не могу сказать, что в этом проявляется вся Турция. Но всё-таки поведение власти здесь безусловно способствует тому, чтобы Турция превратилась из «хорошей» страны в «очень плохую».

ПШ: *Реджеп Тайип Эрдоган*²⁸ берёт с лидеров иностранных государств расписки с обязательством бросить курить. Так что описанный вами эпизод – это ещё ничего! Это, как говорится, «разминка»!

АК: Действительно ли Турция идёт в целом в «неправильном» направлении? Или для Турции и других стран региона это совершенно объективный, выстраданный путь развития, восстановление роли ислама, обращения к корням, культурная самоуверенность?

ВГ: Может быть, за этим стоит попытка построения какой-то новой империи?

АК: Нет. Михаил Серафимович уже сказал, что не только Турция, но и другие страны региона пытаются самоутвердиться.

²⁸ Эрдоган Реджеп Тайип (1954 г.р.). Общественный, политический и госуд. лидер Турции. 12-й Президент Турецкой Республики (с 2014).

ММ: Да, очень пытаются. Причём не сами страны, а верхушка стран в основном берёт на себя эти функции. И это, мне кажется, портит картину того, что происходит на самом деле.

АК: Вы очень подробно рассказали про институт. Но ведь вы очень много лет руководили кафедрой истории стран Ближнего и Среднего Востока...

ММ: Не очень много. Во-первых, были претенденты, то есть люди, которые должны были быть впереди меня. Я считал, что заведовать кафедрой должна Фериде Мустафовна. Но Фериде всё-таки умная женщина была: она поняла, что если сейчас её допустить до власти, то она может «наломать дров». Она предпочитала всё время, чтобы кто-то был на готовом для неё месте, но при этом не быть на нём самой, потому что здесь можно очень быстро свалиться в совсем другую «пропасть», чем она рассчитывала. В общем, она от этого избавилась, поэтому практически весь институт провожал её, когда она умерла. Целая очередь была – такое желание проститься! Было такое впечатление, будто весь институт занимался Турцией, читал и слушал, что она рассказывает. На самом деле этого нет, есть некое представление о хорошем человеке, который занимается Турцией, и люди как-то так очень хорошо отозвались на её смерть. Примерно в это же время я участвовал в похоронах не менее интересного человека, который занимался Ближним Востоком. Но, что самое интересное, за ним не пошли, он не стал лидером.

АК: Вы согласны с тем, что ваша кафедра – одна из сильнейших в ИСАА? Что на ней подготовлены действительно очень яркие специалисты?

ММ: Просто мы её очень долго складывали, хорошие «кирпичики» подобрали, поэтому она и получается работающей. В других случаях, когда набирают по принципу «сказал директор» или «принёс бумагу от директора», человек может и будет занимать какую-то позицию, а на самом деле... это как раз понятно. Что касается Эрдогана, мне кажется, эта страна может оказаться в тяжёлом положении, где практически не будет чётко обозначено какой-то рациональной части поведения властей, а останется лишь то, что является какими-то странными духовными «вывертами», характерными для нынешних руководителей Турции. Хотя я не хочу сказать это про всех. В большинстве случаев, когда я выступаю на каких-то конференциях, со мной рядом сидят очень умные и талантливые турецкие люди. Но такое впечатление, что кругом либо «дураки», либо недоученные люди – просто не пойми что! С одной стороны, вроде бы очень умные, а, с другой стороны, несут совершенную ерунду!

АК: Мы просим подключить Павла Вячеславовича Шлыкова, потому что, как ваш ученик и специалист, он может задать ряд «точечных» вопросов по специальности, чтобы лучше структурировать и углубить нашу беседу.

ПШ: Я хочу задать вопрос по турецкой историографии. Наши с вами первые встречи запомнились мне на всю жизнь! Я помню, как вы рассказывали про

*Джемаль Кафада*²⁹ и про *Омера Лютфи Баркана*³⁰ (фигура Баркана, насколько я понимаю, особенно значима для вас!). Рассказывали, как познакомились с работами Баркана, *Кунта*³¹, потом лично познакомились с Ильбером Ортайлы, обсуждали с ним вопросы XIX века и кризис Османской империи, был он или нет, что представлял из себя длинный XIX век. Вы также рассказывали про сегодняшних турецких историков, отчасти критикуя то, что они совсем американизировались, уехав в ведущие университеты США. Если взглянуть на развитие турецкой исторической школы ретроспективно, насколько ваши ощущения пессимистичны или оптимистичны?

ММ: В своём «турецком» развитии вообще я остановился примерно на событиях, которые происходили уже лет 10-15 тому назад. Это время бушующих аудиторий, демонстраций. Вроде бы было ощущение активности не только тех, кто вышел на улицу, но и вообще страны в целом. Казалось, что она очень хочет менять какие-то принципы политической жизни. Но, сколько я не смотрю после этого на сам уровень конфликта – с одной стороны, вроде бы сохраняется острота, но, с другой стороны, ситуация идёт не к усилению конфликта, а к его ослаблению. Поэтому, мне кажется, что всё, что может представить нам сегодня турецкая ситуация или, вернее, что могли бы исследовать твои ученики, будущие выпускники института – это то, является ли всё происходящее сейчас каким-то «огрызком» прошлого (и насколько) или возможностью какого-то перехода к жёсткому будущему. Мне кажется, что возможно и то и другое. Но чтобы сказать, насколько это всё возможно – нужно внимательнейшим образом смотреть за ситуацией, которая сейчас довольно хорошо известна нам, по крайней мере, как исследователям.

ПШ: Позвольте спросить вас о *Назыме Хикмете*³²! Я знаю, что вы чтите память, регулярно ходите на его могилу в Москве, что это такая очень личная для вас история. Собственно, этот человек объединяет наши два народа – российский (советский) и турецкий. Как поэт широкой аудитории Назым Хикмет сформировался именно в Советском Союзе. Можете рассказать об этом? Думаю, это очень важно и характеризует ту старую школу, её столкновения с сегодняшними традициями востоковедения.

ММ: Этот вопрос мы с тобой ещё должны будем обсудить отдельно. Ты поднимаешь очень важную проблему, которую мы должны будем развивать в ближайшее время у нас на кафедре, а, может быть, даже не на кафедре. Может быть, это событие более значимое в том числе и для наших коллег по другим странам Востока, потому что ситуация меняется со страшной силой не только в

²⁹ *Кафадар Джемаль* (1954 г.р.). Турецкий историк, специалист по раннему периоду истории Османской империи (XIV–XV вв.). Почётный член Турецкого исторического общества.

³⁰ *Баркан Омер Лютфи* (1902–1979). Турецкий историк, специалист по соц.-эк. истории Османской империи. Основатель и глава Ин-та экономической истории Турции (1955–1972).

³¹ *Кунт Метин* (1942–2020). Турецкий историк, специалист по социально-политической и экономической истории Османской империи.

³² *Хикмет Назым* (1902–1963). Турецкий поэт, прозаик, драматург, общественный деятель. Участник Коминтерна. Лауреат Международной премии мира.

Турции, но и в других странах Востока. Это изменение, которое мы ещё не очень чётко понимаем: к чему он идёт и чем оно закончится. Соответственно, было бы очень важно решить эту проблему достаточно быстро или, по крайней мере, важно сосредоточиться на ней и думать об этом. У тебя сейчас большие возможности для этого. У меня уже нет, мозги не работают. Ты – в самый раз!

АК: Михаил Серафимович, я смотрю на часы. Как более молодые востоковеды мы безбожно злоупотребили вашим временем, но нам было очень интересно!

ММ: Понимаете, я сижу здесь в Москве, и даже не в Москве, а вообще взаперти, так как не могу выйти из-за того, что у меня нет прививки. Соответственно, я не могу выйти на улицу. И пока это не получается, какой из меня сейчас учёный – неизвестно.

АК: Предлагаю завершить интервью, так как мы записываем его уже почти четыре часа!

ВГ: Минимум три с половиной! Но у нас есть «смягчающее обстоятельство» – нам действительно крайне интересно послушать и расспросить вас обо всём!

АК–ВГ–ПШ: Большое спасибо! Желаем вам хорошего самочувствия! До свидания!

М.С. Мейер. Конец 2000-х гг.